

О Православии в Германии

Интервью с архиепископом Берлинско-Германским и Великобританским Марком (РПЦЗ)

Иеродиакон Игнатий: *Владыка, Вам хорошо знакомы различные духовные традиции. Вы жили в Германии, учились в Сербии, общались с духовниками на Афоне, неоднократно посещали Россию. Что могли бы Вы сказать о духовной жизни в Германии.*

– Действительно, вопрос широкий. Скажем так, центром нашей епархии, как любой нормальной православной епархии, является монастырь. У нас в Германии есть мужской монастырь, который существует уже свыше пятидесяти лет, с сорок пятого года, в Мюнхене.

Обитель была основана монахами, которые, покинув Почаев после революции, обосновались на Карпатах, в Карпатской Руси, а в сорок пятом году ушли от Красной армии в Германию и осели в Мюнхене. Монастырь был почти уже вымершим, когда я его принял. Это было в восьмидесятом году. На тот момент там жил престарелый архиерей и чтец в довольно преклонном возрасте. Но мы собрали маленькую братию, состоящую из трех человек.

В тысяча девятьсот семьдесят пятом году я принял монашество. До того был полгода серым дьяконом. Потом принял постриг и был рукоположен в иеромонаха. Служил тогда на приходе в Висбадене, где еще в девятнадцатом веке был построен храм и приходской дом в лесу. Это способствовало уединенной монашеской жизни.

Архиепископ
Марк (Арндт)

Мое первоначальное намерение было поступить на Афон, но не позволили греческие полковники, потому что не терпели иностранцев вообще.

И поэтому, по благословению своего архиерея, владыки Павла (Павлова), я поселился в Висбадене при храме и начал с самого первого дня жить по афонскому уставу.

Этот афонский отеческий устав я знал как следует. Другие уставы узнал, побывав в монастырях в Джорданвилле и в Сербии, где учился заочно. Еще будучи преподавателем в немецком университете, я записался на заочную учебу в Сербии. Итак, я знал устав афонский. Мы его несколько видоизменили, потому что мы, конечно, не можем ставить часы по солнцу, ведь по утрам приходит почтальон и неизбежно вмешивается в нашу жизнь. И мы установили такой порядок: начинаем полунощницу в четыре утра и служим все подряд: полунощницу, утреню, часы, литургию. Так что заканчиваем в восемь или в полдевятого, в зависимости от времени года, когда читаются две или три кафизмы.

В первое время мне было, конечно, трудно выдержать этот ритм. Не всегда могли придти певчие, чтобы петь литургию. Приходилось служить каждый день. Потом набралось еще два человека, которые стали со мной подвизаться, кроме тех, которые приходили-уходили. А когда в восьмидесятом году состоялась моя епископская хиротония, мы уже твердо установили этот порядок и с ним переехали в мюнхенский монастырь (монастырь преподобного Иова Почаевского в Мюнхене). Вообще не полагается в другой монастырь вносить свой устав. Но в данном случае это было безболезненно, потому что у пребывавших там престарелого архиерея и старичка-чтеца как такового устава уже не было. С тех пор мы продолжаем этот ритм. И живем так с полным кругом ежедневного богослужения. Это, естественно, определяет жизнь всей епархии, потому что в нормальных условиях епархия как-то ориентируется на монастырскую жизнь.

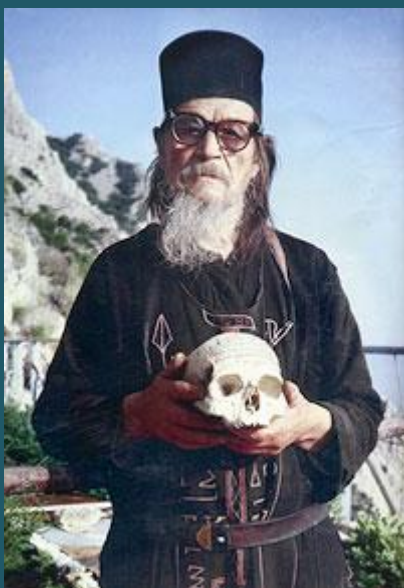
Таким образом, у нас присутствует множество оттенков, множество традиций, но преобладает афонская, хотя в преломлении именно русского афонского монашества. Русское монашество на Афоне не полностью совпадает с греческим. Здесь есть свои особенности. Что же касается сербского монашества, то не могу сказать, чтобы здесь было на нас вообще какое-то особое влияние. Потому что сербского мужского монашества почти нет. Оно возобновилось только в последние годы, благодаря трудам Косовского владыки Артемия. До этого фактически были только женские монастыри и маленькие ячейки мужского монашества. И все эти женские монастыри, надо отметить, возникли на основе Леснинского русского монастыря, который пребывал в Сербии. И почти во всех сербских женских монастырях были русские иконы, чувствовалось русское влияние.

Конечно, в духовном смысле там присутствует влияние отца Иустина (Поповича), который был для меня очень важным, дорогим наставником, к которому я ездил, когда бывал в Сербии, подолгу жил в той обители, служил там регулярно. Отец Иустин очень почитал именно русский образ служения. Всегда, когда я был у него, он настаивал на том, чтобы именно я служил, потому что он чрезвычайно любил русскую традицию. И, конечно, дух его бесед, его наставлений присутствует у нас в большой мере.

Михаил Щербачёв: *А кто из афонских или русских духовников особенным образом повлиял на Вас как на монаха и как на священнослужителя?*

– Можно сказать, что мое призвание к монашеству очень сильно связано с отцом Авелем (Македоновым), который теперь подвизается под Рязанью. Я у него исповедовался в первый раз, когда попал на Афон, и это дало толчок к моему духовному развитию, к монашеству.

М.Щ.: *Какие это были годы?*

Схимонах Никодим Карульский с черепом своего старца - иеросхимонаха Феодосия.

— Это был конец шестидесятых, шестьдесят девятый год. На Афоне я всегда ездил на Карулю. Там был отец Никодим, с которым я тесно общался, и отец Серафим. Отец Никодим был простой схимонах, а отец Серафим иеросхимонах. Я у них бывал там по нескольку недель и каждый раз с ними служил, стоял на клиросе. Я от них почерпнул очень многое в отношении молитвы (в изданной мюнхенским монастырем книге «Непрестанно молитесь»!

О молитве Иисусовой» опубликована беседа о молитве с отцом Никодимом, состоявшаяся незадолго до его смерти. — Ред.). Это была основа моего, можно сказать, духовного развития.

М.Щ.: Владыка, а какими путями в Германии, в Великобритании, в странах, ныне, по сути, секулярных и оторванных от своих христианских корней, люди сейчас приходят к Православию? Вы, как правящий архиерей, лучше кого-либо другого можете рассказать об этом.

— Вы знаете, пути Господни неисповедимы. Как люди приходят к Православию? Это бывают самые разные пути. Скажем, есть такой стандартный путь, который не всегда ведет к лучшему. Когда люди отталкиваются от чего-то неправильного в своем католицизме или протестантизме.

Я сознательно говорю, что этот путь не всегда ведет к лучшему результату. Потому что человек, который отталкивается от чего-то, что он до этого считал правильным, нуждается в очень сильном воздействии, чтобы принять Православие правильно.

Его первое искушение заключается в том, что он старается найти в Православии то, чего ему не хватало в своей вере. И

поэтому он изначально смотрит на Православие, как на правильный католицизм или протестантизм. Этот взгляд совершенно не годный. Его надо исправлять. И исправлять его гораздо труднее, чем какого-то неверующего, который приходит – и у него совершенная *tabula rasa*, белая бумага. С таким человеком гораздо легче работать.

Я сам вырос в протестантизме. Мой дедушка был пастором, но я прошел через такой период, который бывает у молодых людей, – через полный отказ от веры. Не знаю, насколько он был полным, во всяком случае, на практике. Это было связано с бегством из Восточной Германии, с отрицанием коммунизма и так далее. Был такой комплекс. Я вновь пришел к вере через святых отцов, которых я читал как научный исследователь по славистике.

У многих бывает иначе. Приходят, например, люди, которые увлекаются нашим пением. И таких людей сравнительно легко сформировать. Хотя они приходят, скажем, исключительно из эстетических соображений, но направить их потом на путь духовный не так трудно.

Есть другие, которые приходят тоже через святых отцов. Хотя у нас не многие принимают Православие, но среди них есть определенный процент, которые приходят через одну книгу – это «Откровенные рассказы странника», переведенную на немецкий язык.

У меня монах в монастыре, который пришел в восемьдесят третьем – восемьдесят четвертом году пешком из Берлина. Где-то узнал о нашем монастыре. Сам он немец, не православный. Какие-то русские чудаки ему что-то там толковали. Он услышал, что есть монастырь и пришел с вопросом. Он пережил то, что характерно для людей, которые читают «Откровенные рассказы», не находясь в общении с Церковью. Их много.

Англичане, французы, протестанты, католики, которые прочли эту книгу, начинают молиться и в какой-то момент

доходят до некоего потолка. Знают, замечают, что они не могут его более пробить. И тут, если у них честный подход, они начинают искать причину.

Так вот, этот немец пришел и не высказывал никакого намерения стать православным. Мы его накормили, напоили, уложили спать, а потом через день-два я с ним поговорил. И в конечном итоге пришлось ему сказать, что если ты не причастен к церковной жизни – нечего творить молитву, которая имеет свои церковные корни. Без таинств никакая молитва не может действовать. Это может привести человека только к шизофрении.

Он это понял. Уехал, начал посещать наш берлинский приход, а потом через полгода он приехал и уже принял крещение и укрепился, хотя ему было очень трудно. Человек изначально не владел русским языком. А у нас ежедневный язык исключительно русский, ведь некоторые наши монахи вообще по-немецки не говорят. Он часто не знал, как себя вести, однако выдержал это испытание. Хотя два раза уходил, тоже пешком, но вернулся. Уходил пешком, а возвращался с мозолями, но выдержал этот экзамен. И это более характерный путь.

Люди читают что-то серьезное – святых отцов или «Добротолюбие» (раньше были выдержки, переведенные на западные языки, теперь переведены все пять томов), сталкиваются с тем, что они не в Церкви, с тем, что, где бы они ни были, они нуждаются в этом общении. Они испытывают самые разные, но очень серьезные проблемы впоследствии. Потому что наши приходы по сей день преобладающе русские. Не обязательно по составу верующих, но по языку, по традициям.

Многие из немцев, французов или англичан, которые приходят в нашу церковь, через какое-то время сталкиваются с той проблемой, что они мало понимают. Как же им воспитывать детей, которые и вовсе ничего не понимают, потому что нет никаких русских корней? Конечно, каждый приход

по-своему решает эти вопросы: архиерей наставляет священников в этом отношении. Однако священники имеют разные способности и возможности. Но существует такой стандарт, согласно которому почти в каждом приходе читают Евангелие на двух языках. Есть приходы, к сожалению, пока немногие, где читают и Апостол на двух языках. Обычно читают только по-славянски. Но все начинается постепенно. У меня в соборе проповедь переводится.

Есть приходы, где пользуются современной техникой, и люди, которые не понимают по-русски, получают наушники и слушают живой перевод сразу. Вначале переводы страшно раздражали меня. Я не понимал, что происходит. Во время моей проповеди передо мной стоит человек и все время что-то бормочет. Я чуть не побил его жезлом. Потом узнал, кто он. В середине проповеди я стал догадываться, что он переводит... Но почему он стоит прямо передо мной? Ему так лучше слышно, конечно, но все же мешает.

Подобные вопросы решаются по-разному. У меня в кафедральном соборе раз в месяц в приделе ранняя литургия служится на немецком. В других приходах делают так: три раза в месяц служат в основном по-славянски с немецкими вставками, а в четвертый раз наоборот.

Кроме того, мы сейчас имеем верующих, которые не понимают достаточно хорошо по-немецки, хотя они приезжают из Казахстана и Киргизии с немецкими фамилиями.

Это чистокровные немцы, как они утверждают, но по-немецки они не говорят или говорят так плохо, что их трудно понять. Вот какие возникают у нас проблемы. И они решаются постепенно. Хотя при этом многие испытывают нетерпение, недовольство, потому что для них такой перелом не происходит достаточно быстро. Все это наша пастырская работа, которая требует от нас большой подвижности.

Двадцать лет назад мы могли еще считать, что большая часть приходов просто закроется, и будет преобладать

немецкий язык, но теперь открываем новые приходы, вместо того, чтобы закрывать старые. Мы издаем «Вестник Германской епархии». Тираж этого журнала на немецком языке возрастал и стал вровень с русским. Но сейчас русский тираж сильно превышает немецкий. И вновь преобладают русский и славянский языки. Но мы прекрасно понимаем, что это не долгосрочно, что уже через десять лет все будет наоборот.

Тут мы в особом положении в отличие от Франции, Англии, других стран. Мы принимаем русских немцев, которые приезжают в Германию и пытаются влиться в немецкую жизнь как можно скорее, очень активно и быстро. Чего не было у русской эмиграции. Тогда они стремились сохранить свое русское наследие, культуру. Теперь этого нет. Поэтому мы должны сейчас уже готовиться к тому, что через десять-пятнадцать лет у нас будет преобладать немецкий элемент. Но мы не смеем упразднить церковно-славянский и русский. Это двоякая задача, которая стоит перед каждым священником: чувствовать и учитывать многообразие.

М.Щ.: Владыка, Вы говорили об этнических немцах, иммигрировавших в Германию за последние годы, но ведь на Запад приехало очень много людей из России, Украины, Белоруссии, из, как их сейчас называют, бывших стран СНГ, людей, сформировавшихся в советский период нашей истории. Повлияло ли это каким-нибудь образом на жизнь приходов в Германии и Великобритании?

– Безусловно. Но, как я уже сказал, на приходах резко изменилась численность, состав людей, их культурный уровень. Изменились традиции и церковность.

Мы до девяностого года на Западе имели опыт общения только с людьми, которые были носителями еще того церковного духа, который присутствовал до семнадцатого года. У меня была староста, которая в тридцатых годах была учительницей в Новгородской области. С детства церковная, хотя и выросшая в советское время, но все же воспитанная

церковными людьми — отцом, матерью и тетями. Как такие прихожане отличаются от людей, которые приезжают теперь!

Здесь мы видим две крайности: людей, которые приезжают со сформировавшимся в России церковном опыте, и людей — таких гораздо больше, — которые не имеют ни малейшего церковного опыта. Только в редких случаях они готовы открыться и принимать какие-то наставления. Потому что это, опять-таки, *tabula rasa*, и ты начинаешь с нуля. В некотором смысле с ними легче работать, легче, чем с теми, которые приходят с какими-то чуждыми нам предрассудками и привычками. Но мы понимаем, что Господь нас поставил заниматься той паствой, которую Он нам послал, а не дал выбирать. Для нас это вызов — вызов для нашей пастырской деятельности и... поворотливости.

Скажем, приходской священник мог за тридцать лет священства ни разу не быть вызванным в тюрьму, а теперь, как я говорю, в любой тюрьме в Германии можно открывать приход. Это требует от священника основательной переориентации. Он не привык к тому разряду людей, которые там содержатся. Я не хочу сказать, что до этого все эмигранты были ангелочки, но в тюрьмах их практически не было. Теперь в Германии директора тюрем жалуются на засилье русскоязычного элемента, жестко держащего в своих руках других заключенных.

Говорю об этом, чтобы продемонстрировать вам образ священника, вынужденного приспособливаться к совершенно новым условиям, к которым он никак не был подготовлен. Я думаю, что это перекликается, например, с опытом священников в России, которые не были подготовлены к тому, чтобы преподавать закон Божий.

И, наконец, есть опыт, которым мы должны обмениваться. Например, для меня было невероятным переживание, когда где-то в Сербии я видел, как один мой друг, иеромонах, впоследствии архиерей, будучи в штатском, причастил че-

ловека. Я удивился и был смущен. Спросил: «Как ты можешь это делать?» Потом оказалось, что у него под мирской одеждой была епитрахиль и поручи. Потому что в больницу в Сербии священнослужителей для совершения таинств не допускали.

У нас в Германии наоборот. Приходишь, спрашивают: «Вы хотите с больным наедине побеседовать, помолиться? Мы переведем его в другую комнату, там вам будет спокойнее, поставим свечку» – и так далее. Совсем другой опыт.

Иногда можно подходить так: если тебе чего-то не дают делать – добивайся. Не обязательно подчиняться тому, что хотят больничные или тюремные власти. В этом отношении мы с другими Поместными Церквями можем обмениваться опытом. Это очень ценная вещь.

М.Щ.: В последнее время очень многие церковные и светские средства массовой информации говорят о движении за поместное Православие русской традиции. Каково Ваше отношение к этому новому движению?

– Это момент, который чувствуется в Западной Европе, в частности, из-за того, что у нас сосуществуют епархии разных Поместных Церквей. Было время, когда естественно воспринималась идея, что они будут сливаться в один целостный организм. После войны в Германию влилась огромная масса греков, сербов, потом в какой-то мере румын, болгар и так далее.

Таким образом, постепенно параллельно возникли, появились самостоятельные епархии.

Вначале мой предшественник владыка Филофей по поручению, по просьбе патриарха Сербского, рукополагал первых сербских священников на нашей территории. Это было естественно. Он даже рукополагал греческих священников по просьбе, вероятно, Константинопольского патриарха. Точно не помню, но, кажется, такое тоже было. Во всяком

случае, в те годы, в пятидесятые, это было вполне естественно. Наш священник, протоиерей Алексей Макеев, был духовником всех сербских священников в Германии почти до самой своей смерти и из рук сербского архиерея получил митру, когда наш Синод его наградил. Но постепенно и другие Поместные Церкви стали посылать своих архиереев.

Теперь это чувствуется особенно ярко на примере тех же коренных жителей Германии. Скажем, православные немцы подвизаются в двух частях Русской Церкви: какие-то в Константинопольском Патриархате, какие-то в Сербской Церкви.

Ни одна Поместная Церковь, представленная в Германии, не имеет того опыта, который там имеет Русская Церковь. Просто потому, что она дольше всех действует на территории западных стран и всегда была открыта гораздо больше, чем, скажем, греки, которые не понимали до недавнего времени, что кроме них существуют еще какие-то не варварские народы. Они сознательно не ведут миссионерской работы, скорее отговаривают людей от того, чтобы принимать Православие, чем приглашают.

Я думаю, что процесс движения к общей Поместной Церкви должен созреть в течение многих десятилетий. Однако на этом пути можно делать какие-то первые попытки, хотя бы созывать епископские конференции, организовать общение между параллельными епархиями, чтобы не изобретать велосипед на каждом шагу.

У нас есть богатый опыт во многих областях. Ни одна Церковь не занималась переводами литургическими в той мере, а какой это делала наша Русская Церковь. Другие Церкви черпают от нас. Своих переводов у них почти нет. Я говорю это без гордости, просто указываю, что уже есть опыт, и было бы бессмысленно сейчас дублировать и составлять новые переводы. Можно было бы работать совместно над тем, что еще не переведено. Была создана комиссия для переводов, но она просто лопнула, рухнула. Греки считают,

что они должны во всем главенствовать, и это сказывается отрицательно.

По-моему, необходимо собрать для общей деятельности те епархии, которые не подчиняются так называемому Вселенскому Патриархату, чтобы не тормозить развитие общения между юрисдикциями, не давать тормозить себя гордыней и властолюбием.

М.Щ.: Вы неоднократно посещали Россию, знакомы с Русской Патриаршей Церковью. Что, по Вашему мнению, сегодня важно для возрождения православной духовности в нашей стране?

– Я, к сожалению, не так часто бываю здесь, и видел только маленькую часть жизни Русской Православной Церкви. Но надеюсь, что обогащусь опытом в ближайшие дни, побывав в провинции. Однако вот что я могу сказать по опыту нашей работы с новоприезжими. В России много людей, считающих себя православными, крещеными, но которые не прошли достаточной катехизации.

Мне кажется, что это очень серьезный вопрос, потому что мы испытываем опасность, чувствуем опасность от того, что многие подходят к Церкви, как к магическому действию. Это просто страховка от всяких злых духов. Люди чувствуют зло, но не приобрели способности видеть и чувствовать добро, видеть положительный духовный опыт.

Я понимаю, что священники перегружены, но зачастую они перегружены внешней деятельностью, строительством. Однако священник не имеет права превратиться в прораба. Он должен быть священником. Строительство церквей необходимо и важно. Но, я думаю, надо уметь перепоручать эти вещи тем людям, которые являются специалистами. Одновременно требуется обучать прихожан закону Божию. Детям учиться гораздо легче, чем взрослым, но важно, чтобы истины веры оставались не на поверхности, а пустили корни. Мне кажется, это существенный момент нашей общей

современной церковной жизни. Порой трудно найти общий язык с приходящими в храм, часто существует некий незримый барьер. Надо суметь донести до людей, что мы не фабрика магии, что Церковь – это духовное общение.

М.Щ.: *Как Вы оцениваете роль русской литературы в духовном формировании личности?*

– Русская литература пропитана христианством. Но я протестую, когда некоторые люди говорят, что в Церкви надо переходить на русский язык. Я говорю: «Это вас лишает языка, собственной культуры, пропитанной церковным духом. И Достоевского вы не поймете, если не знаете церковно-славянский язык, церковные обычаи». Русская литература может быть началом, первой ступенькой на лестнице. Потом нужно будет и другие ступеньки проходить. Это, безусловно, может быть очень полезным для многих. Так, когда я служил в армии, я прочитал за один год всего Достоевского и всего Толстого. На первое свое жалование я пошел и купил себе двенадцать томов одного и десять томов другого. Каждый день я вставал на час раньше других и читал, воспринимая это как огромный праздник.

Русская литература может дать очень многое. Но, увы, мы теперь имеем дело с людьми, которые не очень почитают русскую культуру. Те русские, которые покидают Россию, просто от России отрекаются.

И я им говорю: «Это абсурд!». Стоит архиерей-немец, который проповедует по-русски, и русский протоиерей, который переводит проповедь на немецкий язык. Или я – немец – должен русскоязычных детей, чьи родители не учат этому дома, потому что ленятся, учить читать по-русски и по-славянски? Это абсурд! Но мы должны с этим смириться и как-то дальше трудиться с Божьей помощью, чтобы исполнить наш пастырский долг.

*С архиепископом Марком беседовали
иеродиакон Игнатий (Шестаков)*